

Эти слова заголовка могут показаться странными — ведь личность выдающегося сына земли русской давно и досконально изучена.

ПРАВДА О ШАЛЯПИНЕ

И все же недавно в эфире прозвучали неизвестные материалы о нашем великом соотечественнике, и миллионы слушателей смогли узнать горькую, но такую нужную в наших нынешних условиях правду о прошлом, «прочитать» новые страницы биографии Федора Шалаяпина.

Цикл из четырех передач (каждая по часу) озаглавлен «Федор Иванович Шалаяпин за рубежом: 1922—1938 годы». Жанр этого цикла, как обозначил автор и ведущий Том Емельянов, — «Художественно-публицистический радиофильм». Каждая серия имеет свой заголовок, и даже одного перечисления их, на мой взгляд, достаточно, чтобы понять, как глубоко «вскопал» Том Емельянов материалы, касающиеся этого периода жизни Шалаяпина и истории страны. Как неизмеримо расширил рамки обычных музыкальных радиоконпозиций о великом артисте, передач к датам и юбилеям, которых мы слышали немало. Итак, первая серия — «Теперь, брат, тебе надо отсюдова уехать» (слова Алексея Максимовича Горького в ответ на вопрос Шалаяпина «как ему дальше жить, что делать при наступившем «красном терроре»); вторая серия (1922—1927 годы) — «Связи с Россией я никогда не порву»; третья (1927—1932 годы) — «Спор, безапелляционно решенный жизнью» и четвертая, последняя (до дня кончины) — «Когда я вернусь...»

Этот радиофильм взламывает стереотипы, которые укоренились не только в нашем сознании, но и в научной литературе.

Вот, например, что написано в специальной «Музыкальной энциклопедии»: «Противоречивость натуры Шалаяпина, его политическая незрелость не позволили ему до конца понять историческое значение Октябрьской революции. Значительную роль в его невозвращении... сыграло домашнее окружение. Однако на чужбине певец не создал ничего нового, хотя и пользовался неизменным успехом, гастролируя во всех странах мира». Вот так — «просто и ясно!» А то, что Шалаяпина вынудили уехать, что он умождал успехи русской музыкальной культуры, самозабвенно пропагандировал ее, что он неизмеримо возвысил авторитет нашей вокальной школы во всем мире, — на это ни намека. Никому никакого дела, что за холодными, казенными словами «противоречивость натуры» — глубокая человеческая драма, страдания большого художника, оскорбленного, униженного и в результате отторгнутого от земли, с которой он связан был всеми нитями.

Да, радиофильм без преувеличения — новая страница и история культуры, и радиоискусства. Даже по форме, или, точнее, по жанру, если не

ошибаюсь, в эфире он никогда не пользовался. Это действительно своего рода фильм: расставляя акценты, подчеркивая узловые «эпизоды», автор словно пользуется приемом стоп-кадра, приостанавливая действие, «показывает» героев повествования крупным планом. Рассказ от ведущего помогает выстроить почти зримые образы, чему немало способствуют и дикторские тексты, читаемые артистами (мужской и женский голоса — Александр Лазарев и Алина Покровская). Очень удачно подкрепляют «действие» музыкальные заставки, великолепные записи голоса Шалаяпина, исполняющего песни, романсы, арии, духовную музыку, то целиком, то в отдельных фрагментах (режиссер Владимир Шведов).

Каждая из серий фильма — законченная по форме композиция, но их скрепляет в единое целое музыкальная заставка — фраза из известного романа Малашкова «О, если б мог выразить в звуке», усиливающая горестный, драматический настрой, полные печали размышления Шалаяпина о жизни, о своей судьбе, о судьбе народа. Выстраивая свое повествование, автор использует множество документов, которые красноречиво свидетельствуют, сколь чудовищны были произвол и насилие над личностью, понудившие Федора Ивановича Шалаяпина пуститься в «дальние плаванья», навсегда покинув Россию (хотя, ужасая, он сам этого и не предполагал).

Резким контрастом нападкам на Шалаяпина выглядят приводимые в фильме цифры о его благотворительных акциях в дореволюционной России, и в послереволюционной, и в зарубежный период. Только за два года, с 1917 по 1919-й, его пожертвования составили 178 тысяч рублей. Они пошли на нужды жителей Кронштадта, на бесплатные столовые для рабочих, на бедствовавших детей в Москве, в Петрограде, на содержание престарелых артистов. Причем, наверное, далеко не многим ведомо, что именно в ту пору на его плечи легло содержание огромной семьи — десяти детей и шести людей пожилого возраста. Для всех он был кормильцем! Значит, все, чем он одаривал бедных, приходилось отрывать от собственного семейного бюджета, и не в порядке одноразово возникшего порыва милосердия, а от постоянно испытываемого чувства долга перед обездоленными, обиженными жизнью.

А сам он в это же время встречал со стороны властей полное недоверие и даже гонение: как у «буржуя» у него реквизируют в банке деньги, отняли

все, что только можно было отнять; он стал подвергаться унижительным обыскам. Но, удивительное дело, пережив все это, Федор Иванович не озлобился — он недоумевал, а когда узнал, что перестали доверять и самому Горькому (как говорил Шалаяпин, «он действующее лицо революции», «он вождь, а я? Я не коммунист, не меньшевик, не социал-революционер»), понял, что надо действовать. И в 1922 году широкая волна первой эмиграции «захлестнула» и великого баса.

Всех уехавших в ту пору «записали» в белогвардейцы. Ярлык стяжателя, продавшего Родину в погоне за длинным рублем, врага народа, рабоче-крестьянской власти навесили и на Шалаяпина. Он был первым, кому присвоили звание народного артиста, и он стал первым, кого этого звания волонтеристски лишили.

И еще одно важное видится мне в этом рассказе о Шалаяпине в зарубежный период: судьбы многих сегодняшних представителей художественной интеллигенции в некотором роде схожи с шалаяпинской — отъезды артистов, музыкантов, художников, писателей в «иные страны». Не вина их, а беда, что они не находят на своей родине достойного применения талантам, знаниям, умениям. Нет, не за «длинным рублем» устремляются они в чужие края, а чтобы реализовать свои творческие планы, стремления. Фильм о Шалаяпине невольно протягивает нити к судьбам наших современников, напоминая, что и сегодня мы не умеем ценить и хранить таланты.

Итак, премьера «Федор Иванович Шалаяпин за рубежом: 1922—1938 годы» прошла. Событийная премьера, но, как все, касающееся радиоработ, прошла тихо, незаметно. Обидно, что заполняющие с утра до вечера эфир передачи стали для нас таким звуковым фоном.

Этот художественно-публицистический фильм о Шалаяпине — право же, стоит многих газетных и журнальных публикаций, книжных изданий, теоретических исследований. Прежде всего потому, что обращен к миллионной широкой аудитории, доступен ей. Только нужна соответствующая реклама. И главное, чтобы не остался показ фильма одноразовой акцией. Ведь в свете нынешнего пересмотра истории нашей страны, нашей культуры судьба Шалаяпина — это судьба нескольких поколений художников.

М. ИГНАТЬЕВА.

● На даче у С. В. Рахманинова в Клерфонтене. Слева направо: Ф. Ф. Шалаяпин, М. А. Чехов, Н. А. Рахманинова, Ф. И. Шалаяпин, С. В. Рахманинов (1931 год).